

2010.05
Владимир Мартынов

Веселый конец света

ИЗВЕСТНЫЙ КОМПОЗИТОР УВЕРЕН,
ЧТО МИР НАЧАЛ УХУДШАТЬСЯ
С МОМЕНТА СВОЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ

мск. Новости - 2005 - 14-20 окт. - 23

В Москве состоялась мировая премьера симфонии Владимира Мартынова «Сингапур». Она написана по заказу посла Сингапура в России Майкла Тэя и призвана «сблизить народы». Забавно, что это решительно расходится с намерениями автора, о которых он рассказал в интервью «МН».

— Эта новая вещь — «Сингапур», она имеет подзаголовок «Геополитическая утопия» и написана, так сказать, против Девятой симфонии Бетховена. Основной тезис Девятой симфонии выражен, как известно, строчкой Шиллера «Обнимитесь, миллионы». С моей точки зрения, это антисанитарно, я не хочу ни с кем обниматься. И мне кажется даже, что если бы самому Бетховену предложили реальные объятия, он бы вряд ли согласился. И вот я, мне кажется, нашел противопоставление. В своей вещи я использую тексты Лао Цзы из книги «Дао дэ Цзин», и там восьмидесятый параграф гласит: «Пускай будут видны соседние селения и оттуда слышатся лай собак и пенье петухов, а люди до самой старости и смерти не общаются друг с другом. Вот такова моя утопия: не надо общаться, не надо даже знаясь друг с другом. Это не более утопично, чем шиллеровский призыв, но с обратным знаком. Дело в том, что я вижу отвратительные последствия попытки претворения в жизнь бетховенской утопии. Они меня пугают, они вызывают омерзение. Глобализм, с моей точки зрения, самая страшная тенденция современного мира. Отсюда эта тотальная демократия, абсолютно для искусства

губительная. Вообще-то я не жалуюсь. Тем более что мир начал ухудшаться с момента его возникновения. У меня есть друг Валерий Афанасьев, который убежал из Советского Союза в юном возрасте. И вот мы встретились, начали друг другу жаловаться, что все загнивает, музыки нет, живописи нет и т.д. Он мне возразил: нет, не все так плохо, вот виноделие процветает. Через десять лет он мне рассказал, что клуб любителей вин, в котором он состоит, проводил очередную дегустацию, и там были представлены два ящика вина, сделанные

блемы. Ближе к нашим временам это, например, Вагнер. Для него Людвиг построил Байред. Я вкусил чего-то подобного, когда был в свите владыки Питирима. Это был человек с проблесками гениальности, сейчас такого покровителя не найдешь, ему мог бы позавидовать Цезарь Борджиа со всеми его подпленными бриллиантами, ядами и прочими атрибутами блестящей личности.

— А какое место музыка занимает сегодня?

— Так вот возьмите любой гламурный журнал. И вы увидите какое. Сначала идет политика, потом экономика, а музыка где-то после спорта. И то речь идет не о той музыке, которая сегодня сочиняет-

В искусстве, по-моему, самое правильное — это феодальные отношения

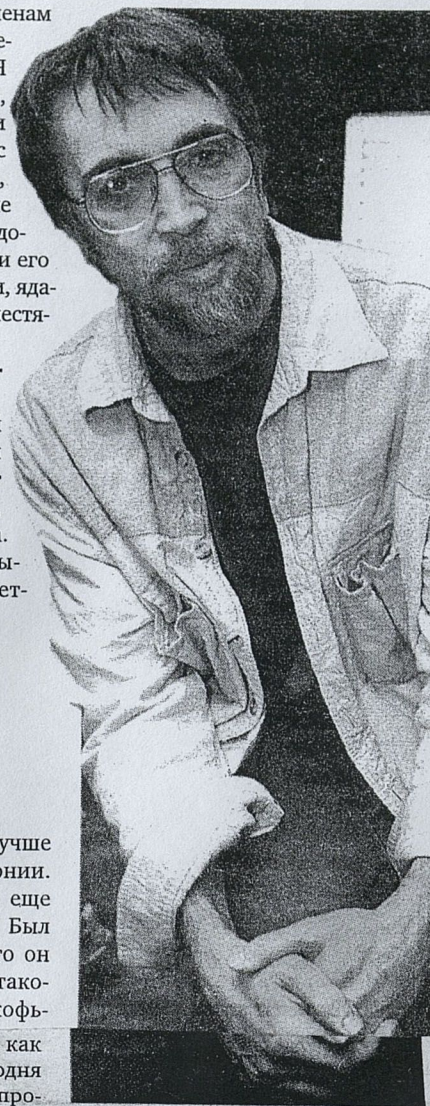
из сорта винограда, погибшего во Франции в 1856 году. Где-то они нашлись случайно. Так вот выяснилось, что виноделие не только ухудшилось, а находится, по сравнению с серединой XIX века, в катастрофическом состоянии. А вы можете себе представить, какие вина были в Средневековье!

В искусстве, по-моему, самое правильное — это феодальные отношения. Когда есть заказчик. Я мечтаю состоять в свите какого-нибудь влиятельного вельможи или архиепископа, какого-нибудь князя. Иногда я там оказывался.

— Кажется, не всем вашим предшественникам этот образ жизни нравился.

— Последним гением, который жил таким образом, был Гайдн. А Бетховен жил иначе и имел разные про-

ся, а о классике, которую лучше или хуже играют в филармонии. Когда я учился, композитор еще считался великой фигурой. Был Стравинский, я гордился, что он меня благословил. Был Шостакович. Несклько раньше Прокофьев. А теперь такого субъекта как композитор вообще нет. Сегодня Арво Пярт получает за свое произведение примерно 15 тысяч евро. За ту же сумму Наоми Кэмпбелл один раз выходит на подиум. Отсюда возникают другие девиации, музыкант хочет любыми способами компенсировать свои статусные потери. И вот, например, один дирижер на программке своего концерта, где исполнялась та же Девятая симфония, написал: «Тайная вечеря такого-то», вместо «такого-то» стояла фами-

Владимир Мартынов

лия дирижера. То есть в одной, отдельно взятой программке он заменил Иисуса Христа. Вот такие бывают явления.

— Ваша книга «Конец времени композитора» вызвана этой ситуацией?

— Нет, не совсем. Там речь идет о неизбежном конце письменной музыки. Если мы думаем, что пись-

менная композиторская музыка — венец творения, то мы глубоко ошибаемся. Поскольку великие культуры — Греция, Индия, Китай — не знают фигуры композитора, человека пишущего. Как и великие системы богослужебного пения — византийская, григорианская, там тоже этого нет. Так что фигура композитора — это своеобразное уродство, явление болезненное. Здесь надо разобраться, почему в XII веке она вообще появилась.

— А вы пробовали разобраться, почему вам кажется, что фигура композитора — это уродство?

— Да, конечно. Потому что существует звуковая субстанция, поток, в который можно вступить, погрузиться и в нем существовать. Человек пишущий занимается рефлексией, и вместо того чтобы взаимодействовать непосредственно с природным источником музыки, он пытается его закрыть. Записать что-то, а от всего другого отказаться.

— Разве есть какой-нибудь другой выход?

— Есть. Погрузиться.

— Каким же способом?

— Это каждый для себя сам выбирает. Но композитор, записыватель — только лишнее препятствие.

— Издательство «Классика — XXI век» анонсировало вашу новую книгу. Какие новые апокалиптические прогнозы содержатся в ней?

— Она называется «Зона Opus Posht, или Рождение новой реальности». Это о той реальности, в которой писать музыку невозможно, но все равно пишешь, как идиот. И говорить об этом тоже невозможно. То есть мне хотелось описать пограничную ситуацию, неопределенную, неуловимую. Книга посвящена памяти Николая Дмитриева, художественного руководителя центра «Дом», там написано «последнему легитимному председателю Земного шара». Эта книга об исчезновении человека. ■